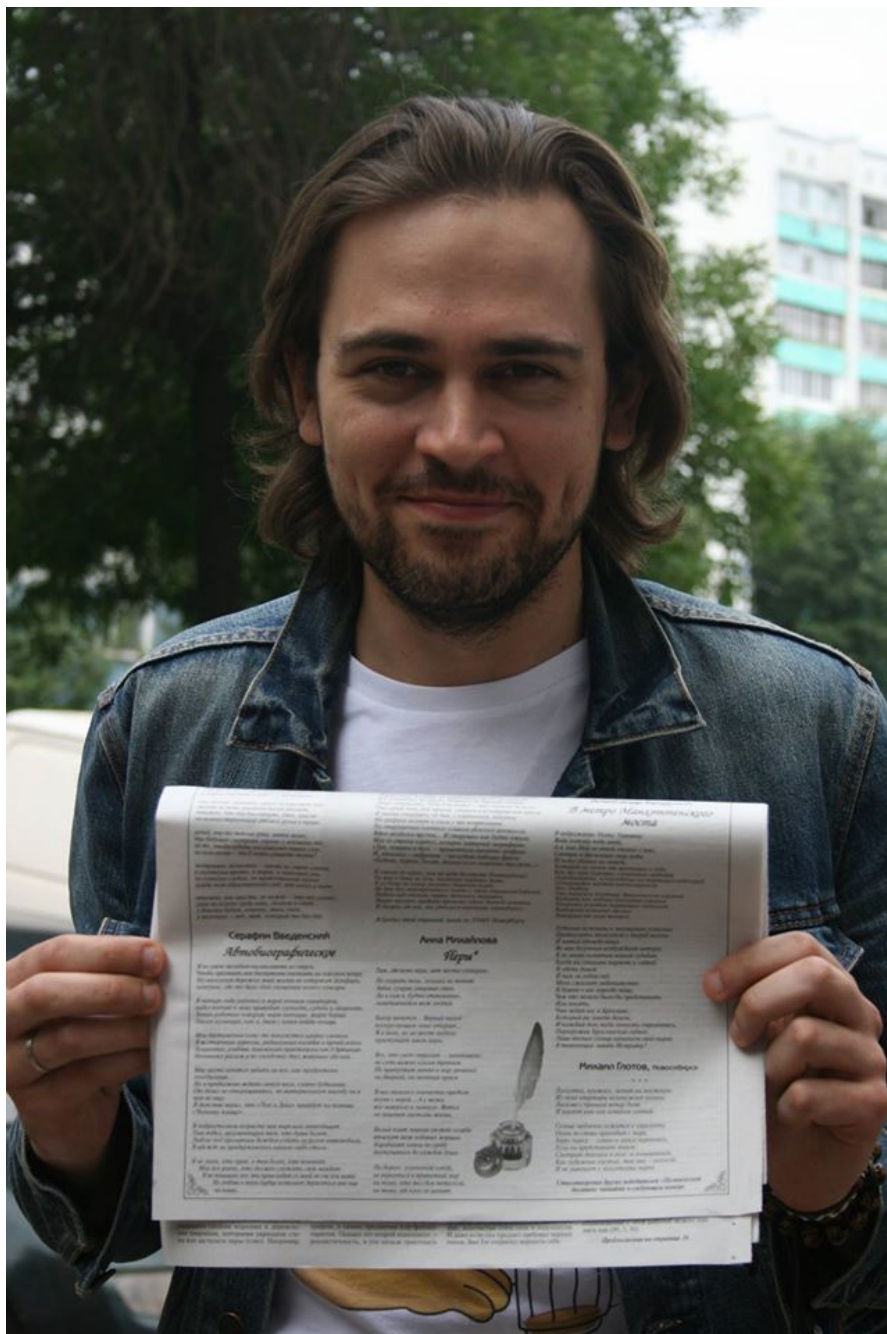

Автор - Серафим Введенский, Москва (Россия).

НЕ ДОЕЗЖАЯ ПЯТНАДЦАТИ ВЁРСТ ДО ТУЛЫ...

Натюрморт

Народный депутат пришел в гости к народному артисту.
Сели трапезничать в гостиной.

В гостиной было светло, просторно и чисто,
мебель из красного дерева, камин, два торшера, картины.

Домработница подала на стол скромные яства:
бланкет из телятины, консоме, терин, заливное из осетрины
на золотом подносе тридевятого царства.
На десерт фаршированные малиновой икрой мандарины.

После трапезы сомелье преподнес с вином бархатистым
сыр с голубой плесенью небосвода.
Народный депутат в гостях у народного артиста
были так далеки от народа.

А где-то за МКАДом, не доезжая пятнадцать вёрст до Тулы,
в хибарке, сидит народный поэт на табуретке.
От новорожденных рифм ему адски сводит скулы,
но он продолжает есть жадно лапшу со вкусом креветки.

Черная клякса

В Арктике,
на Северном полюсе,
среди бесконечных льдин
и бесконечно белого,
белого,
белого цвета
живет чёрной кляксой
одинокий пингвин.
И не может понять,
где зима,
а где лето.

Бог не помнит о нем,
навсегда позабыл.
Лишь медведю нужна его жизнь –
самый лакомый ужин.
Тут читатель воскликнет: "Да бред!"
Я отвечу: "Нет, было!"
Ведь пингвин наблюдает себя
в отражении лужи.

Он катается с горок,
с редким криком:
"И-ха!"
И по Арктике ходит себе,

проторя
по-новой дорогу.
Он живёт чёрной кляксой
в контексте стиха
абсолютно не нужный ни мне,
ни тебе
и ни Богу.

Ему бы собрать в узелок
все пожитки с тряпьем,
да рвануть бы на льдине
на Южный.
Только жизнь
в лед вонзилась копьем,
только там,
как и здесь,
никому он не нужен.

Дао Дэ Бовари

Жена дочитывала роман Флобера «Госпожа Бовари»
и кутала мысли в слова.
Семейный бюджет стал делиться на три,
а недавно делился на два.

Я перечитывал «Дао Дэ Цзин»
пытаясь постичь непостижимое через у-вэй.
Жена говорит: "Давай сходим на выставку картин?"
Я говорю: "А чем тебе «Азбука Вкуса» не музей?!"

В кровати ворочался блаженно наш сын
и подойдя, я воскликнул: "Смотри,
я никогда не был адептом генных доктрин,
но у него так же две ноздри!"

Затем я ушёл на кухню готовить Фо Бо —
эхо совместного путешествия во Вьетнам.
А по небу-потолку бегал Бог
и будто раненный партизан по земле карабкалась весна.

На синей простыне носилось солнце-растан
поедая звезды и, кусая до крови небосклон.
Оптимисты и пессимисты продолжают спорить, как заполнен стакан,
а я рад тому, что хоть что-то налито в нем.

